

На правах рукописи

Бугров Константин Дмитриевич

**ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛЕКСИКОН
РЕФОРМАТОРСКИХ ПРОЕКТОВ
Н. И. ПАНИНА (60 – 80-ые гг. XVIII в.)**

07.00.02 — Отечественная история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург — 2010

Работа выполнена на кафедре истории России ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Научный руководитель: доктор исторических наук, доцент
Редин Дмитрий Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, доцент
Ибнеева Гузель Вазыховна
кандидат исторических наук
Зубков Константин Иванович

Ведущая организация: ФГОУ ВПО «Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва

Защита состоится 8 октября 2010 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького» по адресу: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комната 248.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале Научной библиотеки ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького».

Автореферат разослан ____ сентября 2010 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Л. Н. Мазур

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Особая роль XVIII в. для исторической судьбы России, обусловленная интенсивной рецепцией европейского интеллектуального, социального и политического опыта в этот период, является причиной постоянного интереса к «веку Просвещения» как внутри профессионального сообщества историков, так и за его пределами.

Секуляризация, масштабное проникновение в страну идей европейской политической философии, возникновение независимой печати – эти и подобные явления «века Просвещения» позволяют говорить о том, что значительная часть современного политического глоссария восходит своими корнями именно к XVIII в., когда оформлялся набор тематик и понятий, важных для светского политического пространства. Ряд важнейших политических дискурсов, выражающих представления о власти, складывается именно в этот период.

Одной из наиболее ярких фигур политического пространства России второй половины XVIII в. являлся Никита Иванович Панин – доверенный советник Екатерины II, фактический руководитель отечественной внешней политики, наставник великого князя Павла Петровича. Реформаторские проекты Панина, созданные в 60 – 80-х гг. XVIII в., являются одним из наиболее значимых памятников российской политической мысли своего времени. Идеи Панина о феномене власти, ее легитимации, реализации и сохранении были ориентированы на решение политических задач, актуальных для России эпохи дворцовых переворотов. Более того: несмотря на то, что многое из предложенного Паниным так и не воплотилось на практике, его реформаторские проекты оказали заметное влияние на развитие отечественной политической мысли в целом.

Изучение идеологии реформаторских проектов Н. И. Панина является **актуальным** в двух отношениях. Во-первых, подобные исследования позволяют пересмотреть ряд штампов, сложившихся

в историографии XIX-XX вв. и до сих пор сохраняющих мощное влияние на современную науку. Во-вторых, изучение идеологии реформаторских проектов Панина является важным для лучшего понимания истоков современного политического дискурса – например, понимания исходного смысла целого пласта аргументов, метафор, иносказаний. Проекты Панина фиксируют в проблемном поле эпохи ряд понятий, оказавших влияние на складывание современного политического глоссария: «Совет», «закон», «фундаментальный закон», «монархия», «самодержавие», «государство», «отечество», «гражданин».

Объектом настоящего исследования являются реформаторские проекты Н. И. Панина: комплекс документов, созданных в 60 – 80-х гг. XVIII в., выражающих взгляды Н. И. Панина на фундаментальные проблемы государственного устройства и методы решения этих проблем. Непосредственным **предметом исследования** выступает идеология, отразившаяся в политическом языке этих проектов. В **хронологическом отношении** исследование охватывает 60 – 80-ые гг. XVIII в., поскольку именно этот период биографии Панина связан с созданием реформаторских проектов.

Биографии Н. И. Панина, его реформаторским проектам был посвящен ряд специальных трудов отечественных и зарубежных специалистов. Благодаря этим исследованиям были введены в научный оборот тексты реформаторских проектов, изучена история их создания, проанализировано участие Панина в придворной борьбе, его деятельность как видного администратора и политика, предложен ряд ценных и оригинальных выводов.

Однако большинство существующих работ опирается в характеристике проектов Панина на оценки, присутствующие в дипломатической переписке или мемуарных источниках XVIII в. Вопрос о внутренней логике и концептуальных источниках самих проектов практически не затрагивался. Не получили должного освещения и вопросы о круге чтения Н. И. Панина, тесно связанные с выяснением его политических взглядов. Таким образом, **степень на-**

учной изученности заявленной проблемы не может считаться достаточной.

В основу **методологической базы диссертации** легли общеисторические методы и подходы, опирающиеся на принципы историзма, источниковедческого анализа и синтеза. Поскольку исследование ориентировано на эффективное восполнение отмеченного пробела в историографии, в ходе работы использовались методы историко-системного и историко-сравнительного анализа, а также специализированный инструментарий интеллектуальной истории политических понятий. Применение указанных методов позволило рассмотреть проекты Панина с точки зрения их внутренней логики, (прежде всего – через формирующий их политический лексикон), и одновременно оценить их в широком интеллектуальном контексте Нового времени.

Целью работы является анализ представленных в реформаторских проектах Н. И. Панина идей о феномене власти, ее легитимации, практической реализации и сохранении.

Достижение поставленной цели предполагает решение ряда конкретных **исследовательских задач**: определение источниковой базы и ее характеристика; анализ существующей российской и зарубежной историографии заявленной проблемы; выбор методов исследования, позволяющих достичь достоверных выводов; анализ концепции Императорского совета в идеологии реформаторских проектов Н. И. Панина; анализ ключевых понятий политического лексикона реформаторских проектов Н. И. Панина.

Научная новизна исследования.

1. Комплексный анализ всего круга реформаторских проектов Н. И. Панина (включая традиционно приписываемое Д. И. Фонвизину «Рассуждение о непременных государственных законах») с точки зрения внутреннего идейно-концептуального единства этого комплекса.

2. Привлечение дополнительных материалов (альтернативные проекты реформ авторства других сановников Империи, тексты Екатерины II, политические трактаты из библиотеки Паниных, административные акты и указы), позволяющих рассматривать реформаторские проекты Панина в широком интеллектуальном и политическом контексте.

3. Использование специальных методов интеллектуальной истории политических понятий, позволяющих изучать реформаторские проекты Н. И. Панина с точки зрения их внутренней логики и направленности.

4. Корректировка ряда устоявшихся представлений о политической деятельности Н. И. Панина (в том числе – представлений о заимствованиях Панина из политического опыта шведской «Эры Свобод», ограничительном характере концепции Императорского совета, мотивации предложенной Паниным реформы Сената, связи идей Панина с идеями «верховников» 1730 г.).

Теоретическая значимость исследования. Основные выводы и положения диссертации могут служить для дальнейшего изучения феномена дворцовых переворотов, причем не только как постоянно воспроизводящейся модели, но и как важного элемента в складывании нового политического дискурса российской монархии, в котором стремление «законной монархии» к внутренней стабильности соседствовало с признанием законности нарушения правового статуса самого монарха. Дальнейшие исследования, основанные на выводах и положениях данной диссертации, позволят прояснить те перемены, которые привнесла в представления о монархии эпоха дворцовых переворотов.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе (преподавание истории России XVIII в., истории российской общественно-политической мысли, исторической лексикологии и семиотики), при организации дальнейших исследований по смежным темам, а также в междисциплинарных исследовательских проектах.

Апробация работы. Результаты исследования изложены на конференциях и семинарах различного уровня, в том числе на семинаре Уральского межрегионального института общественных наук «Мораль и политика» (июль-август 2009 г., Светлогорск), международном научном семинаре «Russia and Modernity: Interdisciplinary Perspectives» (ноябрь 2009 г., Европейский университет, Флоренция), региональной научной конференции «Личность, общество, государство» (октябрь 2009 г., Екатеринбург), открытом научном семинаре «Стратегии актуализации ключевых понятий политического лексикона в периоды кризисов власти в Российской империи XVIII – нач. XIX вв.» (апрель 2010 г., Екатеринбург). Тематика исследования неоднократно обсуждалась в течение 2009-2010 гг. на постоянно действующем семинаре «История древней и новой России» кафедры истории России УрГУ.

В 2009-2010 гг. исследования по теме диссертации проводились в рамках реализации государственного контракта № П1949 от 29.10.2009 по теме «Формирование и актуализация ключевых понятий политического лексикона российской элиты в историческом контексте (1725–1789 гг.)» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

По теме диссертации опубликовано 7 научных работ, в том числе одна – в ведущем рецензируемом научном журнале, определенном ВАК.

Положения, выносимые на защиту:

1. Проекты Панина признавали за монархом обширную, в принципе неограниченную – суверенную – власть («самовластие» или «право самодержавства») и не предполагали ограничения власти монарха путем перераспределения его прерогатив в пользу коллективных или представительных органов. Панин стремился не к легитимации расширения полномочий подобных органов, а к разработке конкретных мер по стабилизации положения в Импе-

рии. Совет был призван усилить власть монарха, поскольку система управления Империей, представленная в проектах Панина, предполагала постоянное личное руководство со стороны императора.

2. Присутствовавшие в проектах Панина элементы «сдерживания» суверенной власти императора касались не характера этой в принципе неограниченной власти, а способа ее реализации, что предполагало осознание самим монархом необходимости самоограничения в пользу искусства принимать взвешенные решения, договариваться, внушать подданным любовь и избегать «деспотичества». Такие элементы «сдерживания» вводились с помощью понятия «фундаментальные законы» и включали порядок престолонаследия, совокупность регламентов работы высших административных органов, правовые гарантии подданным Российской империи и относительную автономию судебной власти в лице наделенного правом представления Сената. Эта концепция монархии во многом опиралась на политическую философию Монтескье и опосредованно отсылала к идеализированному образу французской «консультативной» монархии.

3. Критическая заостренность поздних проектов Панина не была связана со специфически оппозиционным характером идеологии этих проектов. Конфликт, который сегодня может видеться столкновением между «абсолютистским» и «правовым» началами, в действительности должен восприниматься в первую очередь как личный конфликт между императрицей и ее влиятельным министром, естественным образом развивавшийся с течением времени. Признание этого позволяет скорректировать традиционные представления об истории российского конституционализма: проекты Панина в концептуальном отношении противоречили идеям верховников 1730 г.

4. В своем политическом творчестве Панин опирался на многочисленные заимствования из европейской политической теории и практики. При этом основными источниками влияния можно счи-

тать французскую политическую теорию и практику, тогда как заимствования из практики шведской «Эры Свобод» в творчестве Панина отсутствовали. Исключением можно считать саму идею «неизменяемого» письменного закона, которая, возможно, была следствием осмысления Паниным статуса шведских Regeringsform 1719 – 1720 гг. В целом же наборы понятий, с помощью которых Панин вел в своих проектах речь о власти, были частью официального дискурса, сложившегося в условиях кризиса власти рубежа 50-60-х гг. XVIII в. Этот концептуальный аппарат использовали многие представители политической элиты, в том числе и не бывшие сторонниками лично Панина.

5. Используя республиканский политический лексикон, Панин стремился оправдать дворцовый переворот 1762 г. Таким образом, развитие в России идеологии, обосновывающей право нации на сопротивление тирану, в значительной степени является одним из аспектов многогранного феномена дворцовых переворотов. Тираноборческая направленность панинского «Рассуждения о непременных государственных законах» не была связана с поиском аргументов против абсолютной монархии как таковой. Если использование тираноборческого лексикона в Европе XVI-XVIII вв. было направлено на обоснование права нации свергнуть монарха или передать его прерогативы в руки выборных органов, то в проектах Панина республиканский лексикон позволял *post factum* осмыслить и оправдать переворот 1762 г. Парадоксально, что республиканская идеология в России второй половины XVIII в. оказалась представлена не только в оппозиционных группах сторонников республиканского правления, но и в среде высших сановников империи, в полной мере приверженных абсолютистскому, «самодержавному» принципу.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение включает обоснование проблемы исследования и ее актуальности, формулировку цели и задач, общую характеристику структуры работы.

Первая глава *«Источники, историография проблемы и методы исследования»* содержит характеристику источниковой базы, отечественной и зарубежной историографии и методов исследования.

Параграф 1.1 «Источники» посвящен характеристике источниковой базы исследования. Используемые источники можно разделить на три группы в соответствии с теми исследовательскими задачами, для решения которых они привлекались в ходе анализа идеологии и политического лексикона Н. И. Панина.

В первую группу входят собственно реформаторские проекты Н. И. Панина, которые представляют собой комплекс документов, созданных в 60-80-х гг. XVIII в. лично Паниным или его ближайшим окружением, и выражающих взгляды Н. И. Панина на фундаментальные проблемы государственного устройства и методы решения этих проблем. Этот комплекс включает в себя анонимный «План» июня 1762 г.¹, проект создания Императорского совета и реформы Сената июля – августа 1762 г.², «Рассуждение о неперемennых государственных законах»³, составленное в конце 70-х гг. XVIII в., «Прибавление к рассуждению о неперемennых государст-

---

¹ План (несостоявшейся) или Росписание учреждаемого вновь при дворе из 4 департаментов имеющего быть Совета с назначением кому быть министром, и кому статским секретарем // РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 63.

² Проект Никиты Ивановича Панина об учреждении Императорского совета и о разделении Сената на департаменты, с приписками императрицы Екатерины и несостоявшимся по этому поводу манифестом ея // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4.

³ Найденное в бумагах покойного графа Никиты Ивановича Панина рассуждение о неперемennых государственных законах // Бумаги гр. Н. и П. Паниных (записки, проекты, письма к В. К. Павлу Петровичу 1784-1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17. Л. 5-17.

венных законах» П. И. Панина¹ и записка великого князя Павла Петровича «Рассуждения вечера 28 марта 1783»², которая является конспектом беседы Панина с Павлом Петровичем, состоявшейся за несколько дней до смерти Панина. Все источники ранее были опубликованы, но в публикациях не были отражены черновые правки, в силу чего настоящее исследование построено на изучении оригиналов, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Эти тексты могут расцениваться как достаточно точное выражение принадлежавших Панину политических идей и представлений.

Вторая группа источников включает тексты Панина, не входящие в круг реформаторских проектов, но позволяющие прояснить их внутреннюю логику – корреспонденция (в первую очередь, дипломатическая), записки и «мнения», план воспитания великого князя Павла Петровича, а также воспоминания о перевороте 1762 г., сообщенные Паниным датскому послу А. фонASSEбургу. Большая часть этих источников опубликована.

К третьей группе относятся источники, позволяющие реконструировать исторический контекст создания Н. И. Паниным реформаторских проектов. В эту группу входят законодательные и акты-материалы (указы, манифесты, регламенты, а также конституционные акты Швеции 1719 и 1720 гг.³), законоподготовительные документы (проекты и записки Екатерины II, проекты А. П. Бестужева-Рюмина, М. И. Воронцова, Д. В. Волкова,

---

¹ Прибавление к рассуждению, оставшемуся после смерти министра графа Панина, сочиненное генералом графом Паниным, о чем между ими разсуждалось иметь полезным для Российской империи фундаментальные права, не пременяемые на все времена никакою властью (черновик) // Бумаги гр. Н.и П. Паниных (записки, проекты, письма к В. К. Павлу Петровичу 1784-1791 гг.). РГАДА. Ф. 1. Д. 17.

² Рассуждения вечера 28 марта 1783 г. // РГАДА. Ф. 1. Д. 57.

³ Regeringsformen 1719. K. M:ts allernådigst konfirmerade regeringsform daterad Stockholm den 21 febr. 1719. Stockholm: SNS, 2005. URL: <http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=833> (дата обращения: 03.03.2010); Regeringsformen 1720. Kongl. Maj:ts och Rikens Ständers fastställda regeringsform daterad Stockholm den 2 maj 1720. Stockholm: SNS, 2005. URL: <http://www.sns.se/zino.aspx?articleID=834> (дата обращения: 03.03.2010).

Я. П. Шаховского, Б. Миниха¹, замечания на проект Панина – три анонимных и одно принадлежащее А. Н. Вильбоа), публицистика («Наказы» Екатерины II и Павла Петровича тексты А. П. Сумарокова, М. М. Щербатова, А. Н. Радищева и ряда других авторов), дипломатическая корреспонденция (переписка иностранных дипломатов при российском дворе), мемуарные материалы (тексты С. А. Порошина, Е. Р. Дашковой и др.). Сюда также могут быть отнесены источники личного происхождения из фонда Паниных в РГАДА – описи книг из собрания Паниных, а также опись бумаг Н. И. Панина², которые впервые привлекаются к изучению политических воззрений последнего.

Особое место в этой группе занимают привлеченные к исследованию иностранные политические тексты, которые могли воздействовать на Панина – книги, о знакомстве с которыми Панина сообщается в «Записках» учителя великого князя Павла Петровича С. А. Порошина или в иных источниках, а также издания, вышедшие до 1783 г. и представленные в каталогах книжных собраний Паниных. Среди них – труды Монтескье, Пуфендорфа, Руссо, Ваттеля, Тессина, Барнета и ряда других авторов. В целом источниковую базу можно считать достаточно полной для получения достоверных результатов исследования.

В параграфе 1.2 «Отечественная историография» рассмотрены основные отечественные исследования по теме диссертации.

---

¹ [Бестужев-Рюмин А. П.] Для Всевысочайшего Ея Императорского Величества известия и благозобретения // Архив князя Воронцова. Кн. 3. Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова. М., 1871. С. 356-367; Даневский П. Н. Приложения // Даневский П. Н. История образования Государственного совета в России. СПб., 1859. С. 4-9; Всеподданнейший доклад сената с представлением мнения действительного тайного советника князя Шаховского о преобразовании гражданских штатов, которые высочайшими именными указами 1762 июля 23 и августа 9 повелено было рассмотреть правительствующему сенату // РГАДА. Ф. 370. Оп. 1. Д. 21; [Миних Б.] Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874; и др.

² Опись бумаг графа Никиты Ивановича Панина // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 137-в; Оригинальные и переводные произведения XVII, XVIII и XIX в. в рукописном виде из книжной коллекции Паниных. // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ч. 2. С. 149-165; Печатные издания из библиотеки Паниных // РГАДА. Ф. 1274, Оп. 1, ч. 2.

Еще в XIX в. в историографии наметились две основные исследовательские концепции, причем речь шла преимущественно о проекте 1762 г.

С. В. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. Д. Чечулин не считали, что проект носил «ограничительный» характер¹, тогда как В. А. Бильбасов, Е. С. Шумигорский, М. К. Любавский и ряд других историков поддерживали мнение об «ограничительном» характере проекта Панина, основываясь преимущественно на свидетельствах декабриста М. А. Фонвизина (племянника панинского секретаря, драматурга Д. И. Фонвизина) о существовании «конституции Фонвизина – Панина», а также на концепции «шведских заимствований», восходящей к мемуарам Е. Р. Дашковой².

Возможность для кардинальной реинтерпретации политической истории XVIII в. открылась в 20 – 30-х гг. XX в., во многом благодаря выходу на авансцену марксистской исследовательской парадигмы. Своеобразный «креативный поворот» был сделан в 30-е гг. XX в. Г. А. Гуковским³, расценившим панинские проекты как часть масштабного столкновения различных групп дворянства. После Гуковского различные аспекты проблемы были исследованы историками литературы – Ю. М. Лотманом, Г. П. Макогоненко, К. В. Пигаревым, а сегодня – А. Зориным и В. Проскуриной⁴.

---

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. СПб., [б.г.]; Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V. // Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 5. М., 1989; Чечулин Н. Д. Проект Императорского совета в первый год царствования Екатерины II. СПб., 1894.

² Бильбасов В. А. Панин и Мерсье де ла Ривьер // Бильбасов В. А. Исторические монографии. Т. 4. СПб., 1901. С. 1-83; Шумигорский Е. С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907; Любавский М. К. История царствования Екатерины II. М., 2001.

³ Гуковский Г. А. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750-1760-х гг. М.-Л., 1936.

⁴ Пигарев К. В. Творчество Фонвизина. М., 1954. Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю. М. Собрание сочинений. Т. 1. Русская литература и культура Просвещения. М., 2000. С. 5-206; Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин (Творческий путь). М.-Л., 1961; Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004; Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.

Доминирующей в советской историографии стала концепция «потанной конституции», восходящая все к тем же свидетельствам М. А. Фонвизина. Эту концепцию развивал Н. Я. Эйдельман, а также М. М. Сафонов, опубликовавший в 1974 г. две записки Павла Петровича¹.

Однако на рубеже 80 – 90-х гг. XX в. в отечественной историографии начался пересмотр концепции екатерининского «просвещенного абсолютизма» (прежде всего, в работах А. Б. Каменского и О. А. Омельченко). В этот период был подготовлен ряд работ, посвященных непосредственно политической деятельности Н. И. Панина в ее различных аспектах: исследования А. В. Гаврюшкина, Е. М. Мироновой, Г. В. Ибнеевой и А. Б. Плотникова². Уже после 2000 г. вышли монографические исследования И. В. Курукина и Е. Н. Марасиновой³, а также ряд статей С. В. Польского¹. В этих работах реформаторское творчество Н. И. Панина рассматривается в новаторском ключе.

Параграф 1.3 «Зарубежная историография» посвящен зарубежной историографии проектов Панина, в первую очередь — англоязычной. В зарубежном историческом сообществе реформаторские проекты Панина оказались востребованы в 70 – 80-е гг. XX в., в годы своеобразной исследовательской ревизии, получившей имя «реабилитации царизма». Особое значение здесь имеют труды

---

¹ Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII – XIX веков и Вольная печать. М., 1973; Сафонов М. М. Конституционный проект Н. И. Панина – Д. И. Фонвизина // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 6. М., 1974. С. 261-280.

² Гаврюшкин А. В. Граф Никита Панин. Из истории русской дипломатии XVIII века. М., 1989; Миронова Е. М. Внешнеполитические взгляды и деятельность Н. И. Панина (1762-1772). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990; Ибнеева Г. В. Политические группировки при восшествии на престол Екатерины II. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1994; Плотников А. Б. Политические проекты Н. И. Панина. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997.

³ Курукин И. В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003; Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008;

М. Раеффа, а также инспирированные его идеями работы Д. Рансела и У. Глизона².

В своих работах Раефф противопоставлял англо-французское Просвещение и догоняющую модель «хорошо организованного полицейского государства». Следуя за Раеффом, Д. Рансел, автор единственной специальной монографии по теме, представил политическую деятельность Панина как сложный механизм, в котором тяга к «хорошо организованному государству» постоянно тормозилась инерцией борьбы между придворными группировками, опиравшимися на традиционные «сети социального патронажа». Однако эти придворные «партии» у Рансела были наделены устойчивыми социальными признаками, что позволило приписать Панину стремление ограничить власть императрицы. Таким образом, анализ Рансела остался в поле традиционных дискурсов историографии. В 1981 г. У. Глизон попытался расширить анализ Рансела и продемонстрировать преимущественное влияние на Панина и его круг теорий Пуфендорфа и Вольффа.

Из современных работ следует отметить труд С. Уиттакер³, в котором проекты Н. И. Панина предстают как первый шаг к трансформации диалога между общественностью и правительством в качественно иную форму — форму представительства.

Кроме того, к исследованию компаративного аспекта темы был привлечен обширный массив литературы: работы по истории политической теории и практики монархий европейского Нового времени, истории европейской общественно-политической мысли Нового времени.

---

¹ См., напр.: Польской С. В. Русский конституционализм XVIII – начала XIX в. М., 2010. URL: http://www.perspectivy.info/misl/idea/russkij_konstitucionalizm_xviii_nachala_xix_v_2009-12-11.htm (дата обращения к ресурсу: 3.03.2010).

² Raeff M. Political Ideas and Institutions in Imperial Russia. Boulder; Oxford, 1994; Ransel D. The Politics of Catherinian Russia: The Panin's Party. New Haven, 1975; Gleason W. Moral Idealists, Bureaucracy, and Catherine the Great. New Brunswick, 1981.

³ Whittaker C. Russian Monarchy: Eighteenth-Century Rulers and Writers in Political Dialogue. DeKalb, 2003.

Анализ существующей российской и зарубежной историографии позволяет сказать: несмотря на то, что некоторые аспекты заявленной проблемы можно считать хорошо изученными, в целом исследования по данной тематике тяготеют к традиционной парадигме, заданной историческими трудами XIX в. Рассмотрение имеющейся по теме литературы дало возможность определить перспективные направления исследования, позволяющие добиться новых научных результатов. Центральные для нашей работы вопросы о концептуальных источниках и политическом лексиконе реформаторских проектов Панина ранее практически не рассматривались специалистами.

Параграф 1.4. «Методы исследования» посвящен методологии исследования, которая включает как классические для исторической науки подходы (методы историзма, исторического анализа и синтеза, историко-системный и историко-сравнительный методы), так и специализированный инструментарий интеллектуальной истории политических понятий.

Под определением «политическое понятие» в диссертации понимается лексическая единица, описывающая атрибуты и функции власти. Понятия актуализируются политическими акторами и приобретают значения в процессе оправдания (либо делегитимации) тех или иных властных отношений.

Специфика стратегий актуализации политического лексикона в России XVIII в. во многом обусловлена отсутствием в рассматриваемый исторический период публичного пространства политических дискуссий. Выработка политического процесса протекала в узком кругу, закрыто; полемика была в основном сосредоточена вокруг конкретных законодательных проектов. Но и такая полемика предполагала отбор определенного круга понятий, наделенных специфическими значениями, коннотациями и интонациями и необходимых для дискуссии вокруг подготовки того или иного решения, а также для оформления собственно политического акта коммуникации.

В этой связи в диссертации использованы методы и приемы «кембриджской школы» (Кв. Скиннер, Дж. Покок) истории понятий, предполагающие отказ от представления о политической мысли как о наборе «вечных тем», неизменных констант или «конституирующих субъектов», ориентацию на личность автора текста и реконструкцию авторских значений (meanings) понятий в их историческом контексте¹. Подобный подход представляется эффективным для изучения сложной связи политической деятельности и политической мысли.

В соответствии с используемыми методами были сформулированы методические задачи исследования: реконструкция словопотребления базовых концептов политического лексикона, реконструкция интеллектуальных связей реформаторских проектов Панина с другими текстами и концепциями, и реконструкция исторического контекста создания этих проектов.

Вторая глава *«Концепция Императорского совета в идеологии реформаторских проектов Н. И. Панина»* полностью посвящена анализу концепции Совета в реформаторских проектах Панина в интеллектуально-политическом контексте второй половины XVIII в.

Параграф 2.1 «Политические намерения Н. И. Панина в перевооружении 28 июня 1762 г.» посвящен анализу принятых в историографии объяснений участия Панина в свержении Петра III. Большинство исследователей сходится в интерпретации проектов Н. И. Панина как «ограничивающих самодержавие», исходя из свидетельств о том, что переворот 1762 г. сопровождался конфликтами между различными группировками заговорщиков. Однако отсутствие убедительной трактовки причин свержения Петра III не позволяет оценить и мотивы вступления Н. И. Панина в заговор.

---

¹ См.: Skinner Q. Visions of Politics. Vol. I. Regarding the Method. Cambridge, 2002; Pocock J. G. A. The Re-description of Enlightenment // Proceedings of the British Academy. Vol. 125. Oxford, 2004. P. 101-117; Бивир М. Роль контекстов в понимании и объяснении // История понятий, история дискурса, история менталитета. М., 2010.

Правление Петра III не подвергалось открытой, публичной атаке до его свержения, и практически все тексты, с которыми сегодня мы имеем дело – это не аргументы, призванные «совершить» переворот, идеологически подготовив его, а лишь оправдания этого переворота, сделанные *post factum*. Можно сделать вывод об отсутствии прямой связи между заговором против Петра III и изменениями политического дискурса, доминировавшего в государственной элите Российской империи.

В параграфе 2.2 «Преемственность в создании проекта Императорского совета Н. И. Панина 1762 г.» проводится анализ анонимного «Плана» совета при особе императора, созданного еще до свержения Петра III (июнь 1762 г.), концептуально близкого к проекту Панина. По-видимому, реформа готовилась не только *при* Петре III, но и *для* него: именно император должен был стать «шефом и президентом» Совета.

Существование альтернативного проекта Совета при Петре III позволяет пересмотреть устоявшееся историографическое клише о группе влиятельных представителей элиты, попытавшихся извлечь пользу из свержения импульсивного деспота и восшествия на трон нелегитимной императрицы. Таким образом, реформаторские намерения вряд ли могут считаться основной причиной вступления Панина в заговор.

В параграфе 2.3 «Концепция Императорского совета и критика Н. И. Паниным имперской системы управления» проанализирована критика Паниным имперской системы управления в проекте 1762 г. В своем докладе Панин решительно отверг мысль о возможном наделении Сената законотворческими полномочиями. При этом аргументы Панина черпали свою силу не из констатации неэффективности работы Сената, а из признания априорного превосходства единоличного управления над коллегиальным.

Критика Панина имела целью не просто наметить путь к преодолению административного беспорядка с помощью создания нового правительственного органа – ее целью было обоснование

необходимости полного контроля монарха над процессом законодательства и принятия решений. Средством такого контроля и должен был стать Императорский совет.

В параграфе 2.4 *«Проблема ограничения власти монарха в проекте Императорского совета Н. И. Панина»* рассмотрен вопрос о том, предполагал ли проект Н. И. Панина ограничение императорской власти. Под «ограничением» обычно подразумевается перераспределение властных прерогатив монарха в пользу коллективных органов. В число механизмов подобного перераспределения включают отсутствие четкого порядка смещения императорских советников и статских секретарей, а также необходимость «контрассигнирования» исходящих распоряжений статскими секретарями. Таким образом, вопрос о том, действительно ли предложенный Паниным Императорский совет был призван ограничить власть монарха, может быть сведен к вопросу о том, предполагали ли проекты Панина передать этому правительственному органу часть прерогатив монарха.

Центральным аргументом в пользу интерпретации проекта Императорского совета как попытки ограничить власть монарха, является утверждение о «шведских заимствованиях» в концепции Императорского совета, опирающееся на сведения из мемуаров Е. Р. Дашковой и дипломатическую переписку французского посланника Л. де Бретейля. В Швеции после падения абсолютизма Карла XII власть короля была жестко ограничена риксродом (Государственным советом) и риксдагом. Однако между реформаторским проектом Н. И. Панина и административной, политической и правовой практикой шведской «Эры Свобод» (с которой он был отлично знаком) невозможно найти содержательные сходства.

Важнейшая черта проекта Панина – отраслевая специализация «штатских министров» – не была характерна для Швеции «Эры Свобод»; напротив, подобная специализация в риксроде была ликвидирована «формой правления» 1720 г., которая лишила президентов коллегий мест в риксроде. Сам Панин, прекрасно знавший

шведскую политическую систему изнутри и охотно рассуждавший о ней в дипломатической переписке, не ссылаясь на Швецию как на источник вдохновения.

Таким образом, устойчивое представление о «шведских заимствованиях» в политическом творчестве Панина можно признать мифом, который основан на некритическом прочтении произвольной выборки текстов. Скорее, Панин находился под влиянием традиций французской монархии, в которой королевские советы были центральным элементом управления. Императорский совет в том виде, в каком Н. И. Панин обрисовал его в поданном Екатерине II проекте манифеста, не располагал возможностями для легального ограничения власти монарха.

Параграф 2.5 «Идеология проекта Н. И. Панина 1762 г. в интеллектуально-политическом контексте рубежа 50 – 60-х гг. XVIII в.» посвящен сравнению идей Н. И. Панина с другими проектами реформ рубежа 50 – 60-х гг. XVIII в. В разном виде создание консультативного и координационного органа предлагалось многими из видных имперских сановников указанного периода. Таким образом, можно говорить о концептуальном единстве, характерном для проектов политических реформ российской политической элиты, созданных на рубеже 50-60-х гг. XVIII в.

Под «советом» подразумевался коллективный орган, как правило – с регламентированными функциями, способный без покушений на прерогативы «самодержавного» монарха вносить порядок в течение дел. Такая концепция, по-видимому, опиралась как на восприятие западноевропейской политической философии, так и на собственный административно-политический опыт представителей отечественной элиты. Более того: эта концепция сама по себе не была новой, ее интеллектуальные корни можно проследить до Средних Веков и далее, как в Европе, так и в России. О необходимости управлять с помощью Совета, состоящего из министров, говорилось в трудах Монтескье и Пуфендорфа, отсылки к которым присутствуют в проекте Панина; Панин также был знаком с «По-

литическим завещанием» Ришелье, в котором говорилось о необходимости подобного Совета.

Концепция Совета была одной из центральных тем в политическом лексиконе российской государственной элиты рубежа 50-60-х гг. XVIII в. В проектах реформ органов верховной власти, созданных в этот период, поиск путей выхода из кризиса политической элитой Империи воплотился в конкретных формулировках. В этом контексте проект Императорского совета, предложенный Н. И. Паниным в 1762 г., является лишь частью – пусть и наиболее яркой – комплекса проектов российской политической элиты, созданных в условиях нестабильности рубежа 50 – 60-х гг. XVIII в.

Именно это время стало периодом активного политического поиска, в ходе которого политическими акторами исследовалась взаимная зависимость «законности» в управлении Империей и правильной организации монархом своего «совета». Впрочем, общность концептуального и идейного поля не подразумевала единства конкретных политических стратегий носителей этих понятий и идей.

Таким образом, концепция Императорского совета не предусматривала ни возможности легального ограничения власти монарха, ни даже возможности возникновения в Совете оппозиции. Предложенный Паниным консультативный орган должен был не ограничивать, а, напротив, усиливать власть монарха, ослабленную ростом влияния коллегиальных органов и фаворитизмом. Элементы же «сдерживания» власти монарха в проектах Панина были связаны не с концепцией Совета, а с принципиальным изменением положения Сената, «фундаментальными законами» и спецификой понимания Н. И. Паниным принципов реализации власти монарха.

Третья глава *«Политический лексикон реформаторских проектов Н. И. Панина»* посвящена анализу ключевых понятий, с помощью которых Панин вел речь об определенных политических вопросах (характер и генезис власти монарха, способы ее практи-

ческой реализации и сохранения, повиновение подданных и право «нации» сменить суверена).

Параграф 3.1 «Понятие “самодержавие” в идеологии проектов Н. И. Панина» посвящен рассмотрению ключевого понятия, употреблявшегося Паниным для описания власти монарха.

Еще в петровскую эпоху сложились два варианта понимания концепта «самодержавие» («самовластие»). Одно и то же понятие могло использоваться как для обозначения формы правления, в которой власть сконцентрирована в руках одного человека (эквивалент заимствованного из европейской политической философии понятия «монархия» или «единоличное правление», «единоначалие»), так и для обозначения характера высшей власти, принадлежащей монарху (эквивалент понятия «суверенитет»). Позднее понятие «самодержавие» обрело дополнительное значение, начав ассоциироваться с концептом «деспотизм».

Сам Н. И. Панин использовал понятие «самодержавие» именно в значении «суверенитет» (как в реформаторских проектах, так и в дипломатической переписке). Таким образом, определение власти монарха как «самодержавной», настойчиво повторявшееся в текстах реформаторских проектов Панина, было не риторическим штампом, но инструментально ориентированным концептом. Шведские конституционные акты 1719 и 1720 гг. декларировали отказ от «суверенитета» (понятого как «неограниченное королевское единовластие»), тогда как Панин в своих проектах характеризовал власть монарха именно как суверенную – «самодержавную». Однако практическое применение неограниченной власти монарха зависело в проектах Панина от сложной механики политического баланса.

Параграф 3.2 «Понятие «фундаментальной закон» и идея политического баланса в проектах Н. И. Панина» посвящен анализу терминологии, с помощью которой Панин демонстрировал преимущества определенного самоограничения суверенной власти. Речь о «фундаментальном законе» в России шла и раньше, причем

на официальном уровне (например, в Манифесте о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству 1762 г.). Соответствующая терминология достаточно прочно вошла в политический лексикон политической элиты.

Важнейшим и по-настоящему новаторским элементом, предложенным Н. И. Паниным в 1762 г., было сенатское право представления, представавшее в проекте манифеста как элемент петровской традиции со ссылкой на «Генеральный регламент». Однако в действительности Панин полностью переосмыслил положения «Регламента». В его понимании право представления касалось не только пробелов в действующем законодательстве, требовавших от Сената выносить решения на утверждение монарху, но и возможных случаев «утеснения» действующих законов со стороны самого монарха. В панинском проекте манифеста формулировка «его величества указам и высокому интересу противно» трансформировалась в аналогичную по форме, но концептуально иную по содержанию формулировку «касаться и утеснять наши (императорские. – К. Б.) государственные законы или народа нашего благосостояние».

Наделенному правом представления Сенату отводилась роль балансира в политической системе. Эти предложения Панина явились следствием восприятия им идей Монтескье. «Дискурс Монтескье», однако, был актуализирован и самой императрицей – возможно, под влиянием Панина. В целом ряде текстов – включая инструкцию генерал-прокурору А. А. Вяземскому и «Наказ» – императрица использовала те же концепты, что и Панин в своих реформаторских проектах; этот лексикон восходил к трактату Монтескье «О духе законов».

«Фундаментальные законы» Панина представляли собой совокупность регламентов работы высших политических органов, перечень правовых гарантий, даруемых населению, а также установленный порядок престолонаследия. Они были тесно связаны с идеей стабильности и сохранения власти: во избежание коллапса мо-

наруху необходимо точно знать свои права, «чтоб самому не преступить пределов, ознаменованных его правам самодержавнейшею всех на свете властью, а именно, властью здравого рассудка».

Параграф 3.3 «Легитимация переворота 1762 г. в проектах Н. И. Панина: право “нации” на свержение “тирана”» посвящен анализу использования Паниным республиканского политического лексикона. Речь в данном случае идет не столько о республиканизме как симпатии к представительной форме правления, сколько о парадигме идей классического республиканизма.

Эта парадигма опиралась на идею «гражданской добродетели», подразумевавшую готовность «граждан» к активному участию в жизни государства и жертвам во имя «общего блага». Особую важность для политического языка классического республиканизма имела метафора кризиса, ведущего к упадку гражданской добродетели, гражданской доблести – отсюда и «политическая паранойя» этого лексикона, подразумевавшая постоянную готовность нации сделать выбор между свободой и рабством, благом и злом.

В «Рассуждении о непременных государственных законах» присутствуют скрытые цитаты из таких авторов, как Руссо и Ваттель, отсылающие к республиканской парадигме Нового времени. Эти идеи стали для Панина – активного участника переворота 1762 г. – своеобразным интеллектуальным инструментом оправдания. Ярким свидетельством этого стала присутствующая в первой редакции «Рассуждения» характеристика «горделивого государя» – несколько перефразированная цитата из предсмертной речи полковника кромвелевской армии Ричарда Рамбольда, участвовавшего в мятеже герцога Монмаута и казненного в 1685 г. (на закате жизни, в 1826 г., эти слова повторит и третий президент США Т. Джефферсон). Панин воспринял слова Рамбольда из французского перевода книги «History of His Own Time» английского историка Гилберта Барнета, епископа Солсберийского.

Не является риторической фигурой и отказ Панина в «Рассуждении» считать Россию деспотией. Подобное признание имело бы далеко идущие последствия, поскольку в концепции Монтескье, которую Панин разделял, деспотизм не сводился к злоупотреблению властью. Деспотизм концепции Монтескье – это социально обусловленный феномен, который, провоцируя бесконечные перевороты, на деле остается статичным. Пространство же «истребившейся формы правления», деградирующей монархии, о которой писал Панин, оставляло у «нации» возможность сделать политический выбор между благом и злом.

В этом контексте декларируемое «Рассуждением» право нации на свержение «тирана» следует связывать в первую очередь с легитимацией переворота 1762 г. Опиравшаяся на республиканский лексикон аргументация в пользу права «нации» на свержение «тирана» была, по нашему мнению, нацелена не столько на критику правления Екатерины II, сколько на осмысление и легитимацию переворота 1762 г. Элементы республиканского лексикона в политическом дискурсе о свержении Петра III позволяли не *подготовить* это свержение, а *оправдать* его.

Частые кризисы власти требовали осмысления происходивших изменений, и ответ был найден – в использовании республиканского языка, позволявшего обосновать право нации на сопротивление тирану и проникшего даже в тексты официальных манифестов. Стремясь к стабильности, российская политическая элита была готова *post factum* признать право нации на восстание против «тирана».

В **заключении** в сжатой форме приводятся основные выводы работы, отмечаются перспективные области их дальнейшего применения в исторических исследованиях.

Итоговые выводы диссертации таковы: идеология реформаторских проектов Н. И. Панина была монархической и абсолютистской. Политический идеал Панина представлял собой монархию во главе с суверенным императором. Консультативный орган – Со-

вет – должен был не ограничивать, а, напротив, усиливать власть монарха. Вместе с тем, Панин признавал необходимость сохранения в неприкосновенности «фундаментальных законов», а в исключительных случаях – и право «нации» свергнуть «тирана».

Представления Панина о власти, выраженные в его реформаторских проектах, невозможно понять вне контекста поздней эпохи дворцовых переворотов. Только учитывая всю важность, которую Панин придавал поиску средств избавления от политической нестабильности эпохи дворцовых переворотов, можно оценить идеологию реформаторских проектов Панина, одновременно признававшую неограниченный монарший суверенитет («самодержавство») и необходимость рационального самоограничения этой власти во имя политической стабильности и лояльности подданных.

Настоящие выводы могут служить для дальнейшего изучения феномена дворцовых переворотов как важного элемента в складывании нового дискурса российской монархии, где стремление «законной монархии» к стабильности соседствовало с признанием законности нарушения подданными правового статуса самого монарха.

Приложения включают публикацию чернового текста проекта Н. И. Панина 1762 г. (тексты собственноручного чернового доклада и черновой текст проекта соответствующего манифеста) и перевод преамбул шведских конституционных актов (Regeringsformer) 1719 и 1720 гг. (в соавторстве с Дж. Лундблад). Источники подготовлены к публикации впервые.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статья в ведущем рецензируемом научном журнале, определенном ВАК:

1. Бугров К. Д. «Дискурс Монтескье»: роль интеллектуальных заимствований в политических проектах Н. И. Панина // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 4(66). Серия 2. Гуманитарные науки. С. 32-43.

Статьи в сборниках научных трудов:

1. Бугров К. Д. Примеры из античной истории в «Путешествии...» А. Н. Радищева // Актуальные проблемы отечественной и зарубежной истории. Сборник научных трудов студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 2. – Екатеринбург: НПМП «Волот», 2008. – С. 92-99.
2. Бугров К. Д. Реформаторские проекты Н. И. Панина в политическом пространстве екатерининской империи // Вторые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Екатерина II и имперское многообразие России: опыт политического и культурного взаимодействия» (Казань, 25-26 сентября 2009 г.). – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. – С. 193-206.
3. Бугров К. Д. «Самодержавная власть» в «умеренной монархии»: к характеристике реформаторского проекта Н. И. Панина 1762 г. // Платоновские чтения: материалы и доклады XV Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 20-21 ноября 2009 г.). – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. – С. 155-158.
4. Бугров К. Д. К характеристике понятия «фундаментальный закон» в российском конституционализме XVIII в. (на примере проектов Н. И. Панина) // Актуальные проблемы современной науки и образования. Исторические науки. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Т. III. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 155-158.
5. Бугров К. Д. Политические проекты Н. И. Панина (60 – 80-е гг. XVIII в.): к вопросу о методологических перспективах изучения // Личность. Общество. Государство: материалы регион. студ. науч. конференции. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – С. 58-60.
6. Бугров К. Д. «Дело А. П. Волынского» в политическом контексте начала 60-х гг. XVIII в.: Н. И. Панин и Екатерина II // Наука и современность – 2010. Сборник материалов I международной научно-практической конференции. Ч. 1. – Новосибирск: Изд-во «СИБПРИНТ», 2010. – С. 114-117.

Подписано в печать 31. 08. 2010. Формат 60х84 1/16.

Усл. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ № ____

Отпечатано в ИПЦ «Издательство Уральского университета»
620083, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4